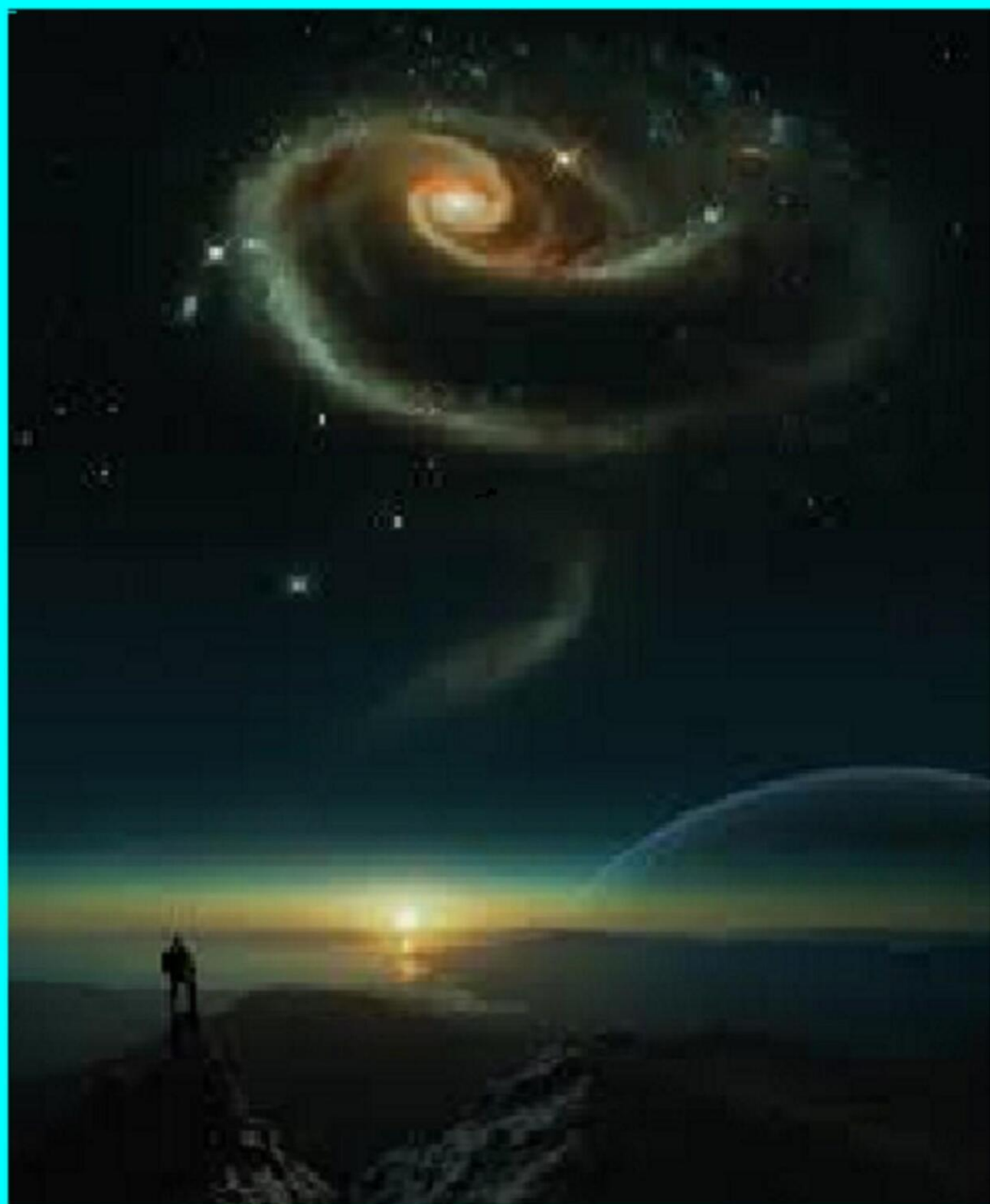

Свешников В. И.

Сын неба

Виктор Свешников

Сын неба

«Автор»

2010

Свешников В. И.

Сын неба / В. И. Свешников — «Автор», 2010

Из данной книги вы узнаете: о монахе, воспитавшем ребёнка с потерпевшего катастрофу корабля инопланетян; о случае, спонтанно произошедшем с педагогами, вернувшимися супругами из суперпутешествия во время динозавров и спасшими чужую, "лягушкообразную" цивилизацию; о попытке уничтожения нашей культуры и помощи существами, которые даже не дышат кислородом; о дивных событиях, к которым привела астронавтов ошибка в расчётах; о версии о появлении человека современного типа;

© Свешников В. И., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Вторжение	26
Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Свешников

Сын неба

Фантастика! Жанр, который интригует очень многих, так как многие невероятные истории, версии или гипотезы, незаметно, становятся реальностью. Выходит, всему нужно своё время.

Глава 1

Горы. Царство потрескавшегося камня. Хребты, высокими грядками, уходят вдаль. Пробирающемуся через них пилигриму, кажется, что нет им конца и края. Появившись однажды, десятки и тысячи веков лет назад, они напоминают нам о величии и силе природы. Попавшего сюда из равнинных пунктов случайного путника, горная страна поражает масштабностью и монументальностью. Высочайшие, до нескольких километров вершины, глубокие пропасти парализуют волю, нагоняют боязнь. Проложенные бесстрашными смельчаками над бездонными ущельями узкие тропы, заставляют забыть о цели своего появления в этом каменном мире.

Отвесные стены, уходящие на неоглядную высоту, своей массой давят на сознание, заставляя искать различные причины и отговорки для того, чтобы, если это возможно, вернуться назад. Мозг случайного прохожего лихорадочно ищет варианты отступления, но не всегда находит их.

Тяготящие впечатления усиливают жуткие ветры: ураганные, дико завывающие. В бешеных порывах, они грозят смертью всему живому, что встречается на их пути. Держись странник! Если ты не превратишься в лёд среди оцепенелого безмолвия, то можешь, быть повергнут в глубокую расщелину. И некому будет в этом адском месте явить помощь, подать руку. Завалит тебя крупным и мелким булыжником, скатывающимся от выветривания с горных вершин. Что человек? Камень, казалось бы, вечная материя, и он не может устоять против суровой стихии.

Не ходи пилигрим, прячься! Куда угодно: в пещеру, в трещину, за любой выступ, только не будь на открытой области. Иначе очередной неистовый порыв леденящего ветра, может отправить тебя в вечность: состояние полного забвения и неспособности воспринимать, ощущать окружающее. Пади на колени скиталец! Усердно молись за себя и за других людей, попавших в беду. Кто-то, где-то, также станет просить бога за путников, в том числе и за тебя. Совокупная месса, служба, обязательно должна дойти до Всевышнего. Искренняя коллективная просьба непременно будет услышана, и ты спасёшься. Надо только верить в Его Деяния.

Гималаи. В переводе с санскрита – обитель снегов. Высочайшая горная система, находящаяся на территориях Китая, Индии, Непала и Пакистана. С самыми высокими вершинами, наибольшими разностями взгорий на коротких расстояниях, глубокими (до пяти тысяч метров) ущельями. Она протянулась в длину более 2400 километров и от 180 до 350 в ширину. Гималаи расположены между Тибетским нагорьем и Индо-Гангской равниной на юге.

1950 г. Наша этнографическая экспедиция, пробираясь узкими тропами, шла из Тибета в Гималаи. Унылая и однообразная природа никак не разделяла эти две горные системы. И наш небольшой караван, с каждым днём упрямо поднимался по отношению к уровню моря. В этот период в здешних краях царит середина лета, но мы всё яростнее ощущали высоту, потому что делалось прохладней и труднее дышать.

Изнурительные дожди становились реже. О них надо сказать особо. Как и ветры, они царствуют здесь в своё время. Господствуют императивно и немилосердно. Жестокая и беспощадная стихия. Становится темно, разверзаются хляби небесные и потоки воды, тугими жгу-

тами и струями, падают вниз. Она хлещет по деревьям и жалким росточкам травы, что чудом цепляются за щели в камнях. Прячьтесь звери и люди, которые волей судьбы оказались в этом аду. Бешеные потоки устремляются с высот вниз, таща за собой сначала мелкие камешки, а затем камни. И уже огромные массы воды, увлекая валуны и целые скалы, создают в глубоких ущельях стремительные реки и большие озёра. Образовавшиеся бурные водоёмы прорывают завалы и наводят ужас на людей, живущих внизу, где-то очень далеко от этих мест. Срединная велика!

...Мокрые лавины с неба низвергались реже, а мы шагали всё выше. Услышанная далеко отсюда, в Тибете, легенда согревала и придавала нам силы. Мы подбадривали друг друга, утешали, когда кто-то падал и получал ушиб, но устремлялись вперёд. Наш молчаливый проводник, с лицом, похожим на блин, в таких случаях качал головой, ухмылялся и в душе наверняка игнорировал нас. На привалах он выпивал "огненной" вонючей жидкости, а его узкие, раскосые глаза и вовсе превращались в щели. Он пытался говорить с нами, почти не понимая ответы. – Для чего ты ходишь? – спрашивал он, – пишешь обычаи, традиции, сказания? За каким бесом знать их чужим людям? Всё равно не уразумеешь: их нужно впитывать с детства, жить по ним. Народ сам всё помнит. А уважаемых людей беспокоишь, – и ничуть не стеснясь, применял малоумное выражение, где он только его услышал, – глупая книжная моль! Если бы мне не были нужны деньги, я не пошёл бы с вами в опасный путь.

На наши доводы он махал руками, хотя не понимал процентов девяносто из того, что мы ему объясняли. Коренной тибетец, он исходил всё нагорье и Гималаи. Испытывая его при найме, мы называли районы горных систем, имеющих местные названия, и он, в каждом случае, заявлял, что ведает туда путь. Кроме того, Лунь знал несколько десятков английских слов. Это решило наш выбор в пользу горного жителя.

Мы не ошиблись. Он понимал уйму местных наречий, по каждому вопросу умел договориться с людьми. И даже об аренде яков, что являлись здесь самой большой ценностью, суля вернуть их при возвращении. Многие безоговорочно верили ему: знали его и родственников. Лунь уверенно провёл нас от Лхасы – столицы Тибетской автономии, через горные и равнинные участки до реки Брахмапутры. В одном из селений мы сделали большой отдых. Проводник отыскал толмача, приглашал пожилых людей, знакомил с нами. За чаем, они рассказывали нам легенды, объясняли свои обычаи и распространённые обряды.

Здесь мы и услышали красивую "сказку". Старый аксакал, потягивая чай с молоком, заявил: – Не всё, что люди рассказывают, является былинами. Некоторые из них, иногда, можно проверить и убедиться: это быль, хотя и давнишняя. Например, у нас существует предание о небесном мальчике, жившем когда-то у одинокого монаха, в Гималаях. Но это не сказка: я тому свидетель. Возраст отшельника сейчас находится в пределах ста семидесяти лет. Юноша тот вырос в гиганта, ростом около трёх метров и улетел на небо. Но иногда он навещает своего старого "воспитателя", прилетая откуда-то на неведомой машине с женой и двумя детьми. Последнее его появление было семь лет назад...

Мы посмеялись, но старый бабай оскорбился и сказал, что мы недостойны, заниматься своим делом, потому что не верим деду: – А я сам видел спустившуюся с неба молодую семью из высоких людей, так как в это время, случайно очутился у апостола Лао в гостях.

Скуластое, сморщенное лицо рассказчика с раскосыми глазами, выражало такую обиду, что нам стало не по себе. Мы долго извинялись, просили поведать об этом случае подробнее, но он отказался, говоря, что прошло много времени и уже не всё помнит. – Идите к Лао, – сказал аксакал, – если он ещё в состоянии говорить и сочтёт нужным рассказать, то поведает вам эту историю: он умеет общаться на аглицком языке.

Вскоре за небольшую плату нам организовали переправу через реку, и мы двинулись в Гималаи. Необычный рассказ никак не выходил из головы. Мы часто вспоминали о нём по

дороге и решили: возможно, сын прилетает на вертолёт, а его рост конечно преувеличен. Лунь сказал: – До жилища Лао идти километров сто двадцать, по горам.

Но мы, заинтригованные необычным рассказом, всё-таки решились на опасное путешествие.

Две с половиной недели, с риском для жизни, были мы в пути. Дышать становилось всё труднее, мы поднялись до двух тысяч метров над морем. Необычной высоты, дом Лао появился из-за поворота внезапно. Он стоял, словно в укрытии, под нависшей скалой. Здесь же имелся небольшой дряхлый загон для скота. Росло несколько старых деревьев. Стояла довольно тёплая погода, но монаха не было видно. Жильё отшельника построено по тибетскому типу: четырёхугольный каменный домик, с суживающимися кверху стенами и тривиальной крышей. Когда-то он был побелён известью. Вокруг двух маленьких окон виднелись остатки чёрной краски.

Проводник и участники экспедиции возились с яками, а я подошёл к входу. Постучал и не получив приглашения, открыл дверь. Заскрипев несмазанными ржавыми петлями, она нехотя отворилась, и я вошёл внутрь. Привыкнув к темноте помещения, огляделся. На полу, на куче тряпья, виднелся человек. Первой моей мыслью было то, что он умер. Подбежав к нему, я понял: это не так, но он на пути к Всевышнему. Лао никак не отреагировал на моё появление и голос, оставаясь недвижимым.

Дыхание его было едва заметным, прощупывался слабый пульс. В доме не было ни воды, ни пищи. Монах умирал от голода в силу своей немощи. От последнего привала у нас, в термосе, остался мясной бульон. Я крикнул, чтобы принесли посудину и ложку, а сам стал разглядывать схимника. Это был скелет обтянутый землисто-серой кожей. Не понятно, в чём только держалась жизнь? Морщины были даже на совершенно голом черепе. Глубоко запавшие глаза закрыты, на скуластом лице выделялся крупный нос. Беззубый рот приоткрыт, большие уши торчали в стороны. У меня зашевелились сочувствие и жалость к несчастному.

Принесли термос с ещё тёплым варевом. Мы устроили отшельника полусидя. Лунь поддерживал его голову, а я ложкой влил ему в рот юшку. Чувство голода сработало: она была проглочена. Дальше пошло веселее, хотя схимник всё ещё не очнулся. Насытив, мы укрыли его и оставили отдыхать. Нам предстояло позаботиться о корме для яков и собранных материалах, что везли с собой. Освободившись, я подошёл к слугителю бога. Он лежал в том же тезисе, но с открытыми глазами. Став над ним, и почтительно сложив руки, я поздоровался и пожелал всего лучшего ему, жилищу и родственникам. Взгляд монаха переместился в мою сторону, и он, едва заметно, кивнул мне. На лице мелькнуло просветление, и сознание вновь оставило его.

Мы приготовили прекрасный обед, плотно покушали и сообща, принялись кормить старца. После первых ложек, он пришёл в себя, сам открывал рот, но был настолько слаб, что не мог держать даже голову. Без поддержки, она у него падала на бок. Процесс приёма пищи нас взбодрил, душевное состояние улучшилось. В этот раз монах съел больше и уснул во время обеда.

Отдохнув, мы начали осматривать местность. Ландшафт был довольно унылый: на крохотной долине росло много кривых деревьев. Местами среди них проглядывали разнотипные каменные возвышения. Буйствовали травы: сплошной цветной ковёр. Подходил вечер, начали собираться тучи, небо стало темнеть. Мы вернулись в дом. Схимник спал. В жилище становилось сумеречно. Мы принялись искать в своих мешках свечи и не находя их, тихо переругивались меж собой.

Вдруг монах издал звук. Я повернулся к нему: он едва заметным движением пальца указал вверх. Я поднял голову и чуть не вскрикнул от удивления: там висел электросветильник. Скользя взглядом по стенам, я увидел выключатель. Но у дома не было ни ветряка, ни линии электропередачи. Кто-то, проследив мой взгляд, подошёл и щёлкнул им. "Лампа" вспыхнула неожиданно и ярко. Это было диво: в заоблачье, в горах и в подобное время – электрический ток.

...Прошло несколько дней. Старец постепенно выздоравливал, силы медленно возвращались к нему. С нашей помощью, он стал выходить из дома: грелся на солнышке. Мы вовремя подспели со своим приходом. Начав разговаривать, святой отец рассказал, что заболел, и у него кончились продукты. Ввиду своего преклонного возраста и нездоровья, он не мог никуда сходить и приготовился отправиться в вечность, жалея, что не простился с сыном. Я воспользовался этим и спросил: – А где живёт ваш наследник и кем работает?

Отец гордо улыбнулся и показал рукой в небо. Он был слаб, говорил с трудом. Сейчас было бы совестно расспрашивать его об этом. Вопросы засели в голове: неужели правду гласит сказание? А может он лётчик, даже и военный?

Глава 2

В один из дней раздались голоса, и из-за утёса показался караван из пяти вьючных яков. Пришедшие остановились у домика Лао и стали разгружать животных. Монах понемногу окреп насколько мог в своём преклонном возрасте и сам появился навстречу прибывшим. Увидев отшельника здоровым, погонщики вьючных животных радостно выражали почтение к безгрешному, прикладываясь к его рукам и одежде. Видно: он обладал большим авторитетом у людей.

Обоз с продовольствием был предназначен для него, но припоздал, что чуть было, не привело к трагическому исходу. Увидев нас, европейцев, гималайцы несколько смутились, но схимник сказал им, что мы спасли ему жизнь и тогда все принялись благодарить нас за проявленное милосердие. Мы плохо понимали слова, так как почти не обладали сведениями об их языке, но и этого было достаточно. В таких ситуациях они особо и не нужны. После этого горцы смотрели на нас, как на своих и пробыли здесь два дня. Всё это время они не покидали святого: вместе с ним молились перед статуэткой Будды и с кроткими лицами слушали нравоучения на религиозные темы. На третий день, утром, погонщики отправились в обратный путь. Мы проводили их, церемонно попрощались и вернулись.

На следующий день после отбытия каравана, с утра подул бойкий студёный ветер. Сразу похолодало. Небо заволокло тучами. Налетела буря, затем пошёл сильный дождь. Раскаты грома, сначала редкие, перешли в единый гул. Ураганные порывы рвали с деревьев листья, крушили ветки. Местность освещалась непрерывными вспышками молний. С неба струями текла вода. С нависшей над домиком скалы, она изливалась потоками, не попадая на крышу. Через несколько минут вокруг бурлили грязные ручьи. Устремляясь в низменные места, они тащили с собой мелкие камешки и поломанные ветви. На улице стало свежо и неуютно.

Мы ступили в дом. Святой, неподвижный, как изваяние, сидел перед статуэткой Будды. Прошло минут двадцать, прежде чем он закончил религиозное бдение. Настроение у схимника было хорошее, я подсел к нему, надеясь получить исчерпывающий ответ. Вкратце изложив цели экспедиции, обратился с просьбой поведать о себе. Ниже привожу его рассказ, конечно же, с сокращениями. Говорил он на старинном английском языке, но речь была достаточно понятна всем.

Начало его повествования было очень необычным: – С тех пор, как я родился, весна сменяла зиму сто семьдесят два раза..., – при этих словах я чуть было не подпрыгнул. Отшельник заметил это и, усмехнувшись, продолжал: – ...Появился я далеко отсюда. Селение было незначительным и располагалось близко от Лхасы, в Тибете, рядом с большой дорогой. В семье девять ребят, я четвёртый. На свои нужды мы сеяли хлеб, держали скотину и кое-как обходились. В то время Тибет полностью зависел от Китая. В Лхасе правил его наместник. Налоги были непосильные и у нас отнимали почти всё. Люди страдали от недоедания и мёрзли, так как даже дрова, что мы собирали на зиму, необходимо было делить с господами. Народ выживал с трудом.

Время в те годы было беспокойное, шли войны. Жизнь, таких убогих как мы, ничего, не значила. Мне стало десять лет, когда в селении появились три священнослужителя. Говорили с родителями, убеждали отдавать им детей. Жаловались, что монастыри дряхлеют, старцы умирают, и всё меньше остаётся служителей Будды. Схимники рассказывали о жизни в обителях, что там хорошо и пока не голодно. Они держат скотину, сеют хлеб, кое-чем поступаются люди. Кроме того постигают слово божье, философию, некоторые науки. У них есть школы, где послушников учат чтению, письму и другим знаниям. Повзрослев, ребята станут монахами, будут служить Просветлённому. Дело это нужное и благородное, высокое.

Я и двое старших братьев попали в безгрешную обитель учениками. Мы осваивали святыя писания, пасли немногочисленный скот, помогали во всех посильных делах старшим и вместе с ними молились Богу. Нет смысла описывать нашу жизнь. Для посторонних она кажется однообразной и унылой, хотя с каждым годом человек там продвигается к Истине, Абсолюту – к Богу.

Так и шло бытие, пока не началась интервенция нашей страны. Приходили китайцы, американцы, англичане. Каждые тянули что-то, эксплуатируя тёмный и обездоленный народ. По стечению обстоятельств наш монастырь был расположен недалеко от дороги, ведущей в Лхасу. Вскоре, у нас появился небольшой гарнизон английских войск. Они потребовали, чтобы мы кормили их. Стояли они в ските несколько лет. У них я научился говорить по-английски.

Их постой лёг на нас тяжким грузом. В политику служители культа не вмешивались, но видя, как страдает народ, тайно поддерживали его. К этому времени мы уже выросли и превратились в крепких монахов – воинов, в совершенстве владеющих искусством борьбы Кун-фу. И когда начались народные волнения, мы, как и другие дацаны, тайно участвовали в случавшихся стычках. Интервенты разобрались, откуда берутся искусные бойцы и начали громить обители: уничтожать затворников.

В один из дней я был послан в далёкую лавру с донесением и отсутствовал несколько суток. А когда вернулся, мои короткие волосы встали дыбом: на месте нашей пустыни были руины, братьев расстреляли. Позже я узнал, что англичане окружили приорию и разгромили её из пушек, добывая из винтовок пытавшихся спастись людей. Убитых увезли неизвестно куда. Горю моему не было предела. Я вернулся домой к родителям. Они были уже в почтенном возрасте. Обитающие с ними братья и сёстры владели жалкое бытие. Живя у них, я тщился хотя бы в чём-то помочь, но это продолжалось недолго.

Некий мерзавец настучал англичанам, что в семью вернулся монах из разбитого скита. На меня, словно на зверя, устроили облаву. Раненый, я едва унёс ноги. Разумея: что здесь меня хорошее не ждёт, я отправился в Гималаи и нашёл пристанище в монастыре, где исповедовали ламаизм. Это было не по мне, но выбирать не приходилось. Я вместе со всеми работал, делил с братьями тяготы и радости. Но всё-таки ушёл от них.

Меня приняли в небольшой обители братья по интересам. Жизнь в них везде одинакова. Чтобы чего-то иметь для существования, надо трудиться с утра до вечера. Послушание и работа, прерываемые лишь религиозными бдениями. Двадцать пять лет в этом святогорье не прошли даром. Но в душе зрела мысль, уйти, поселиться вдалеке и отдаться служению Промыслённому. Мне хотелось наедине смотреть на Бога, говорить с Ним и слушать Его. С каждым годом эта мысль крепла и, наконец, я решился. Рассказав патриарху дацана о своём желании и облегчив душу, я услышал благословение и был отпущен на все четыре стороны.

Вот так я оказался тут. Место мне очень понравилось. Вблизи тропа, время от времени появляются люди. Построил дом, приручил животных для скрашивания одиночества. Иногда ко мне приходят люди, завозят кое-что из продуктов, хлеб. Сейчас я рукоположен в архаты, – "апостол буддизма" мой сан. Здесь я живу больше сотни лет. Даже верховный Лама приезжал ко мне три раза. Их сменилось уже несколько, а я всё не умираю. Вот и весь мой рассказ, – закончил он, ни разу не упомянув о сыне.

Подшло время обеда. Мы покушали. Старец прилёг отдохнуть. На улице было всё так же неуютно. Сильный, порывистый ветер гнал тяжёлые, будто клочья чёрной шерсти, рваные тучи, которые, периодически, проливали холодную воду. Но непогода стихала, громовые раскаты слышались реже и где-то далеко. Там же, за горами, возникали и обширные всполохи молний. Пока архат отдыхал, мы упорядочили собранные записи.

Монах проснулся. Мы приготовили чай, достали лепёшки, творог и начали полдничать. За едой, я спросил его: – Уважаемый, вы упомянули о сыне, когда показали на источник света. Кроме того, внизу, один старец заявлял, что видел вашего наследника с семьёй, который,

якобы, прилетал с неба. Но из рассказа, следует, что вы никогда не были женаты. Как это понимать?

Святой помрачнел. Помолчав, сказал: – Хорошо, я расскажу вам удивительную историю, а верить или нет, дело ваше.

С этими словами, он встал, вынул из шкафчика небольшую коробочку. На ней имелись малопонятные значки, не похожие на буквы. Нажал кнопку. В комнате зазвучал шум эфира: шипение, потрескивание. Она была необыкновенной. Радиоэлектронные устройства того времени, были громоздки, угловаты и тяжелы, а это странное и настолько маленькое, что вызвало закономерное удивление.

– Вот, – сказал Лао, – когда мой сын находится недалеко от Земли, он даёт знать о себе из этой штучки. Говорит со мной, я узнаю, когда состоится встреча. Правда, бывают они очень редко. За сто с лишним лет был у меня всего пять раз, – сокрушённый отец замолчал, в глазах появились слёзы. Мы сидели, поражённые услышанным.

Успокоившись, Лао заговорил: – Я расскажу вам удивительную историю, мне приятно вспомнить о моём мальчике. Откройте свои уши: я буду долго повествовать. Не перебивайте.

Устроившись удобнее на подушках, он, неожиданно бодрым голосом, заговорил: – Это случилось давно. Вас тогда и в помине не было. Придя в эту местность и решив здесь остаться, я взялся за сооружение вот этого дома. В один из дней, когда шло строительство, моё внимание привлёк посторонний шум. Подняв голову, я увидел необычный дисковидный предмет, падающий под углом к земле. За ним тянулся шлейф красного дыма. Он издавал резкий прерывистый звук.

Траектория лежала над этой долиной. В открытом на нём овальном проёме, стояло несколько очень высоких "людей". Заметив меня, они что-то кричали и размахивали руками. Из круглого отверстия возникнул большой предмет и полетел ко мне. До удара об грунт, под ним вспыхнул огонь, раздался хлопок, и он плавно опустился на землю. "Незнакомцы" продолжали звать в мою сторону, но расслышать что-либо мешало громкое завывание. Я понял, что выброшенный объект послан специально и побегал. До него было метров сто. Обернувшись, увидел, как воздушная машина ударилась о высокую гряду гор. Вспыхнул огненный шар и обломки, вместе с большим количеством камней, скатились в глубокое ущелье.

Я помолился за несчастных душ, попросил Будду принять их к себе. Затем, подойдя к лежащей объёмной штуке, попытался найти что-либо, открывающееся. В конце концов, мне удалось обнаружить, закрытое большое отверстие. Оно было сверху и проглядывалось по едва заметной щели. Настолько точно и плотно была подогнана крышка. Но как открыть, на ней ничего не было? Попытался просунуть нож в паз, но он был настолько узким, что в него не входил даже кончик лезвия. Я не знал, что мне делать?

Прекратив бесполезные усилия, вернулся к дому и продолжил стройку. Но мысли об увиденном не давали мне покоя. "Кто были эти высокие "люди" и откуда появились? Что они хотели сказать и почему выбросили большую, непонятную штуку? Ведь она явно была предназначена мне. Но что делать?" Моя работа застопорилась. Под впечатлением происшедшего всё шло вкривь и вкось.

Спустя время, бросив своё занятие и взяв молоток, я вернулся к "подарку", который так неожиданно достался мне. Естественно, теперь меня привлекал люк отверстия, и я попробовал забить в щель нож. Но он не заколачивался и все последующие усилия, ни к чему не привели. В отчаянии, я два раза ударил по нему инструментом. Металл загудел и крышка начала сама подниматься из проёма.

Выйдя на всю толщину – она была с две ладони, медленно отошла в сторону. Я отскочил от предмета и замер в ожидании появления кого-либо. Но никто не выходил, и мне пришлось заглянуть в него. Я опешил: там лежал малый ребёнок. Дитя посапывало во сне. Судя по его росту, ему было года три. И теперь до меня дошло, о чём хотели сообщить мне несчаст-

ные родители, предвидя свою близкую и ужасную смерть. Поражённый зрелищем и осенившей меня мыслью, я стоял, глядя на малыша, и не знал, что делать? Новые мысли закружились в голове. "Кто он? Как мне теперь быть? Куда его деть? У меня же сейчас и дома-то нет, живу кое-как. А ему нужны тепло и сытная пища, одежды". Я сел рядом и долго ждал, когда "младенец" проснётся. Новые заботы вставали перед моими глазами.

Но... сопение прекратилось, послышались звуки. Когда я поднялся, на меня глядело невероятно привлекательное существо, с глазами бездонной синевы. Крошка встал на ноги. Его головка выглядывала из люка. Подобных красивых детей я никогда и нигде не видел до сих пор. Раскрывшийся прекрасный цветок лотоса! Весь какой-то розовенький, с белыми кудряшками. Всё в нём совершенно и симметрично. Одежда также необычная, в застёжках и невероятно мягкая.

Обнаружив меня, мальчик скривился, готовый излить слёзы. Я радостно улыбнулся и протянул руки. Он не пошёл, но и не заплакал. Затем что-то сказал. Разумеется, я ничего не понял, но продолжал приглашать к себе. "Заоблачное" существо стало осматриваться. Увидев, что мы одни, оно опять обратилось ко мне. Я вытащил его из машины. Теперь, уже сидя на руке, он принялся внимательно разглядывать моё лицо. Видимо, не найдя ничего страшного, мальчик начал что-то лопотать.

Так произошла встреча с моим будущим сыном. Тогда я, конечно, ничего кроме жалости не ощущал и не понимал. Посадив его на траву, вытащил колыбель, несколько больших сумок с одеждой, питанием и постельными принадлежностями. Проявив, в последний раз заботу о сыне и отправив в безыизвестность, родители положили в спускаемый аппарат всё, что было нужно для него на первое время.

Глава 3

Пока я возился с сумками и знакомился с их содержимым, гость не отрывал от меня взгляда. Неожиданно он, что-то говоря и указывая рукой на аппарат, встал на ноги и подошёл ко мне. Естественно, я ничто не понял из его лепета. В свою очередь, тоже начал беседовать с ним. Я сказал ему, что теперь мы будем жить вместе: так захотели его мама с папой. И что, сейчас они отсюда очень далеко, и вернутся не скоро. Но по возвращении, сразу же заберут его к себе. Он тараторил и внимательно слушал. В этот момент мне показалось, что он понял смысл моего внушения на телепатическом уровне, так как сразу успокоился и подал руку. Я взял её в свою, приподнял сумку и мы пошли к дому.

Устроив мальчика в своём эфемерном жилище, перенёс остальной багаж. Всё это время он молчал, следя умным взглядом за моими действиями. Создалось впечатление, что он очень многое понимал. Вероятно, родители наказали ему, чтобы он слушался "дядьку". А может, объяснили возникшую ситуацию. Но, невзирая на различные обстоятельства, я никогда не слышал его крика, и повиновался мне, как своему отцу. В дальнейшем, он часто спрашивал о них, но потом прекратил. Видимо понял, что всё далеко не так, как я говорю. На наши отношения это не повлияло.

У меня появился приёмный сын, новые заботы. Я дал ему имя – Сяо. Устроил рядом с собой его постель. Кормил, купал, стирал и выполнял великое множество дел, о которых раньше и не догадывался. Сирота оказался очень смыслёным. Обучая его нашему языку, мне никогда не приходилось повторять слова. Услышав раз, он навсегда запомнил их значение. У него был совершенно не детский ум.

Я продолжал достраивать свой дом. Сяо немного дичился: сидел и внимательно наблюдал за моими действиями. Чтобы не чувствовал себя одиноко, я разговаривал с ним, хотя поначалу он не разумел бесед. В свободное время и в работе, я объяснял названия предметов. Мальчик сразу понял, что от него требуется и, коверкая слова, пытался их повторять. Через несколько дней, он уже подавал мелкие камешки, показывая жестами, чтобы я вместе с другими клал их в раствор.

Вскоре начали одолевать мысли о кормлении ребёнка в дальнейшем, когда кончатся неизвестные мне продукты, заботливо положенные родителями. Я стал подкармливать его своими яствами. Он кушал, и всё было нормально. Через пятнадцать дней Сяо уже произносил некоторые слова и даже пытался соединять их в предложения. Он становился веселее, разговорчивее и, наконец, пришло время, когда я услышал его смех. Меня это растрогало до слёз. Я, сам того не ожидая, привязался к своему "подкидышу".

Изредка, по тропе проходили караваны. Мне, как монаху-подвижнику, всегда что-нибудь давали из провианта. Постоянным погонщикам я делал заказы. У нас очень почитают служителей Будды, и отдельные люди задерживались на некоторое время: поговорить о боге и помочь в строительстве. Но иногда бывали и незнакомые. Появляясь теперь, все удивлялись: откуда в моём доме появился необычный ребёнок? По всему было видно, что он не азиат: и лицо, и одежда, и разговор! Я отвечал, что взял на воспитание из детского приюта мальчика – сироту. Глядя на него, все дивились и качали головами: я снискал ещё больший авторитет.

Однажды, кто-то заметил на равнине странный предмет, на котором прилетел Сяо. Люк я сдвинул на место, он плотно вошёл в проём и стал почти незаметным. Мне надо было обсадить его кустарником, чтобы скрыть от глаз, но я не догадался. Теперь же, некоторые мои посетители ходили вокруг него, осматривали, пытались сообразить, откуда взялся этот малопонятный объект? Я говорил, что не знаю: когда явился сюда, он уже был здесь. Никому не приходило в голову постучать по люку. Открывался он от двух толчков. В дальнейшем, я спрятал аппарат в зарослях.

К холодам достроили жилище. Мы с Сяо занялись приготовлением топлива. Иногда нам помогали редкие гости. За прошедшие месяцы мальчишка усвоил столько слов, что почти без труда лепетал со мной. Говорил он смешно и прохожие не понимали наши диалоги. Я-то разумел: каждому слову он учился от меня. Мне запомнилось его произношение. Редкие гости не спускали с Сяо глаз: было в нём что-то неуловимо необычное, чего нет в наших чадах. От ребёнка исходило такое обаяние, что он сразу покорял людей: притягивал их внимание.

Пришла зима, наступили сильные холода. Теперь мы целыми днями сидели в своей части жилища: вторая была для гостей. Сяо донимал вопросами. Ему всё хотелось знать. Их было бесконечное множество. За размышлениями, передо мной вставала дилемма: кто же он есть? Какой национальности? Я никогда не слышал о том, чтобы на Земле жили такие большие расы, как его родители. Неужели и Сяо станет высоким? Как он будет жить с подобным ростом?

Иногда он скучал. У него не было игрушек и я, как мог, пытался развлечь его. Рассказывал сказки и разные смешные сцены, которые сам и придумывал. Он звонко смеялся, падал на спину и хлопал себя по животу ручками. Я пробовал делать из дерева фигурки зверей, а он внимательно следил за моими действиями и веселился, когда я говорил ему, что хорошо получилось. Со временем у него образовалась коллекция похожих поделок. Он забрал их с собой, на память о своём детстве.

Так прошло несколько лет и по моим подсчётам, возраст Сяо достиг десяти годов. Он по-прежнему был всё таким же обаятельным мальчиком. Но его рост начал беспокоить меня, он оказался почти вровень со мной. Теперь он читал, умел писать и знал счёт. В зимнее время мы занимались образованием, и он показывал большие успехи в этом деле. Прекрасно соображал и сразу же запоминал. Иногда создавалось впечатление: он всё это знает, а я, как бы вытаскиваю информацию на поверхность. Были случаи, когда я только начинал объяснять действие, но он сам, без моей помощи, продолжал и заканчивал правильным итогом. Я при этом бывал изумлён, а он смеялся.

А однажды он пояснил: – Отец, мне кажется, что обо всём том, чему ты учишь, я уже имею сведения и с твоей помощью я вспоминаю некоторые из этих знаний. Бывает ощущение, что я многое ведаю, но не могу поднять из памяти. Глядя на него, мне ничего не оставалось кроме, как удивляться.

Слух о моём приёмыше, распространяясь, достиг нежелательных ушей англичан. Они всё ещё хозяйничали в Тибете. К нам отправилось воинское подразделение, но с полпути вернулось назад. Слишком трудна была дорога. Так, по воле Будды, мы не оказались у них в руках.

Шли годы. Мой Сяо рос не по дням, а по часам. Я догадывался, что скоро мой мальчик не поместится в доме. Мы перестроили его: подняли потолок. К двадцати годам он достиг двухсот восьмидесяти сантиметров. Необычайно красивый, с синими глазами, он ещё больше стал привлекать интерес людей. По моим подсказкам, сделал себе арбалет и целыми днями бродил по горам в розысках диких козлов. Изредка, удача сопутствовала ему. Охотник подстреливал животное, тогда мы пировали. Он любил выбивать из костей мозг, говоря, что для него это самая ценная и питательная пища.

Иногда Сяо становился задумчивым. Беспричинно грустил. Думая о чём-то, подолгу сидел с закрытыми глазами, а в тёмное время смотрел на звёзды. Я понимал его. Он скучал. Ему требовалась девушка. Каждый мужчина, живя один, являет собой половину настоящего Человека, а соединившись с женой, становится целым. И тогда оно, уже неделимое, начинает воспроизводство себе подобных.

Как-то он поинтересовался: – Отец, а кто я? Как появился здесь? По всему видно – я не такой, как другие. Что за предмет находится в кустах и не связано ли со мной его появление? Меня, как бы, тянет туда.

Моё сердце сжалось в предчувствии нехорошего. Пришлось поведать ему о том, как он очутился здесь. Я не коснулся лишь того, как открывается летательный механизм. Выслушав, он сказал, что почти ничего не помнит, а лица и вовсе забыл.

Спустя время, взяв свой арбалет, он ушёл в горы. После двухдневного отсутствия Сяо вернулся с козой. Мы разделали её, нажарили мяса и сидя около дома, наслаждались вкусной дичью. Охотник рассказывал мне, как он подстрелил добычу. Вдруг он замолчал, его лицо приняло изумлённое выражение. Я повернулся в сторону взгляда, и моё сердце захолонуло. Сверху, совершенно беззвучно, опускался такой же аппарат, из которого когда-то появился мой мальчик.

– Гляди, – сказал я, – точно на такой машине были твои родители когда, спасая тебя, направили ко мне ту штуку, что лежит в кустарнике.

Летающая посуда опустилась на землю и замерла. В ней открылась большая дверь: три высоких человека направились к нам. Мы встали и, молча, ожидали, что будет затем? Лётчики ступали: их взгляды были устремлены на моего сироту. У меня опять кольнуло в груди.

Подшли двое мужчин и девушка. Один был пожилой, другой средних лет, а молодая особа того же возраста, что и Сяо. Представители сильного пола оказались выше сына ещё дюймов на восемь. Как хороша и обаятельна была барышня! Мне в то время подумалось, что на Земле не существует такой красоты.

Прилетевшие сложили руки и поклонились. Я сделал то же самое, а Сяо не отрывал глаз с лица молодницы. Его так поразила её внешность, что даже забыл ответить на приветствие. Но, я вам скажу, что и он не уступал ей. Она тоже не сводила с него взгляд, хотя сейчас на юноше была местная одежда.

Старший что-то сказал ему, но парень ничего не понял, как и я. Тогда он включил прибор, висевший у него на поясе и, обратившись ко мне, сказал: – Мы приветствуем тебя, сердечный землянин и желаем добра, мира и благополучия!

Я так же поздоровался с ними и молвил, что мы рады видеть у себя в гостях уважаемых людей. Пригласил отведать жареной козлятины. Они поблагодарили, но отказались, пояснив, что сыты. Старший спросил: – Кто этот молодец и откуда он у вас взялся?

Он говорил на нашем языке, но голос шёл из включенного прибора. Я сказал: – Это мой сын, зовут его Сяо, ему двадцать три года. Он живёт со мной.

Гость улыбнулся и мягко возразил: – У населения Земли не бывает таких детей. Вы низкого роста и разные по внешности. Этот мальчик из нашего народа. Двадцать лет назад, с высокой орбиты, исчез один из дежуривших здесь кораблей. На нём находилось несколько членов экипажа. Там была женщина с ребёнком – супруга начальника экспедиции. Мы думаем, что этот молодой человек то самое дитя. Но где остальные, ведь они были у вас?

– Идёмте, покажу что-то, – сказал я и повёл их к кустарнику. Выброшенный механизм, к тому времени, сильно зарос, и нам пришлось пробираться сквозь чащу.

– Да, эта капсула с него, с..., – пожилой сказал какое-то слово, я сейчас не помню, – но как она сюда попала? Где летательный аппарат, что с ним случилось?

Я поведал о произошедшей у меня на глазах трагедии и появлении хлопца. Показал направление полёта машины: она разбилась о скалы, а её обломки упали в глубокое ущелье. Погибли и все, кто пребывал в ней.

Глава 4

Присутствующие долго находились в тягостном безмолвии. Мы вернулись к дому. Мой сын весь дрожал и был бледный от волнения. Он не спускал глаз с юной красавицы.

– Сяо, – обратился к нему старший, – знай, у тебя есть родственники и один из них здесь. Он пилот корабля и находится рядом с тобой. Это брат твоего отца, – и указал на взволнованного мужчину.

Пришелец, тоже давно бледный, едва сдерживал свои эмоции. После этих слов, он протянул руки и устремился к племяннику. Они обнялись, гость заплакал. Не выдержал и Сяо, слёзы полились из его глаз. Выступили они и у меня. Смотря на трогательную сцену встречи, захлопала и девушка.

– Сяо, мальчик наш, ты жив! – сквозь душившие его рыдания, приговаривал дядя, – мы уже не надеялись на это!

Успокоившись, он спросил у племянника: – Ты, наверное, не знаешь о том, что у тебя имеется сестра? Она старше и восхитительна, как Лика, – он кивнул на красавицу.

Затем он подошёл ко мне, опустил на колено и принялся горячо благодарить за проявленное участие к судьбе сына его брата. А у меня стало тягостно на душе, хотя должен был бы радоваться за своего Сяо, ведь теперь он не одинок. Но, что-то беспокоило, слишком неожиданно произошла встреча. Наверное, я предчувствовал близкую разлуку.

Спустя некоторое время, старший объявил, что им необходимо отправляться на орбиту. Он спросил у Сяо, не хочет ли тот посмотреть на Землю с большой высоты, предлагая этим ему лететь вместе с ними? Но дикарь испуганно замахал руками.

– Хорошо, – сказал начальник, – теперь мы знаем, где ты? Тебе нужно научиться говорить на нашем языке. Для этого вас будет посещать моя дочь Лика, – он указал на девушку. – Думаю, она справится с этой задачей, тем более желание помочь, написано на её лице, – и он улыбнулся.

Барышня взглянула на отца и покраснела. Космонавты по очереди обнялись с нами, и пошли к кораблю. Лика обернулась. Сяо помахал ей рукой. Она ответила ему тем же. Машина загудела, словно жук, затем медленно поднялась и быстро ушла вверх, скоро сделавшись невидимой.

Мы стояли, молча, всё ещё находясь под впечатлением произошедшего.

– Отец, не сон ли это? – произнёс Сяо.

– Нет, сынок, явь, – сказал я, – и это, рано или поздно, должно было случиться. Будда сотворил не один наш мир. Они прибыли из другого общества и всё-таки отыскали тебя.

– Что будет дальше, отец? – спросил Сяо.

– Слышал, что говорил дядя? Ты не одинок – есть близкие родственники. Тебя обучат настоящей грамоте, и тогда ты улетишь вместе с ними. Что тебе делать здесь? Носиться с арбалетом по горам?

Сын прильнул ко мне. Я успокаивал его и настраивал на будущие события: – Из-за твоей внешности, тебе нельзя даже показываться среди людей. Наш мир жесток, многие коварны, а ты совсем не знаешь жизнь. Внизу, в долинах, бурлит неизвестное тебе существование. Там народы эксплуатируют друг друга, воюют между собой и убивают себе подобных. Появись ты со своим ростом, они будут смеяться, преследовать и указывать на тебя пальцем. Живём, сынок, сейчас, как всегда и увидим, что будет дальше? Думаю, от гостей, что были здесь, кроме пользы ничего не станет. Покоримся судьбе, так как всем её готовит сам Будда.

Прошло несколько дней и, прямо у дома, приземлился небольшой летательный аппарат. Из него вышла прежняя синеглазая девушка. Через прибор, она поздоровалась со мной и спросила о Сяо. Сын был в горах и отсутствовал уже два дня. Я ответил ей, что его нет, но он скоро вернётся. Она смутилась. Я пригласил её в дом, сделал чай, предложил. Стесняясь, а может,

от боязни незнакомого напитка, она из приличия взяла пиалу и произвела мелкий глоток. Я попросил рассказать, кто они такие, где живут и что делают у нас? Услышанное повергло меня в смятение.

Барышня сообщила: – Мы жители планеты Ока, находящейся настолько далеко отсюда, что её совсем не видно. Наш мир похож на земной, но деревья и трава другие. У нас тоже много воды, примерно такая же атмосфера, но дышать легче, потому что в ней больше кислорода. В космосе много разных миров, они объединились в Содружество и живут одной жизнью, по определённым законам. Звездолёты Союза летают во вселенной, отыскивают новые неизвестные цивилизации, наблюдают и исследуют их. Сейчас наш корабль на орбите спутника Земли. Мы изучаем жизнь аборигенов. Вы отсталая культура и многое делаете не то, что нужно и не так, как надо.

Я спросил: – Как вы узнали о мальчике?

– О, это нетрудно, – ответила она. – У нас есть приборы, через которые можно смотреть за каждым человеком. Я увидела его, когда он выслеживал животных и большой рост сразу кинулся в глаза. Отследила, куда он возвращается, и прилетели сюда. Мы не ошиблись, это наш, как вы говорите, "человек".

– Что же будет дальше? – спросил я.

– Я не знаю, – ответила Лика, – но папа с дядей Сяо говорили, что им придётся убедить вас в том, чтобы вы отпустили его с нами, на родную планету. Он должен получить хорошее образование и обречься среди своих....

Снаружи послышался шум и в обитель не вошёл, а влетел юный охотник. Увидев девушку, вспыхнул, поклонился ей и заключил меня в объятия. Обнимая, он всегда становился на колени, так как с его габаритами, стоя, произвести подобное действие невозможно.

– Отец, идём разделять козла, – попросил он, хотя ошкуривал их всегда сам, правда, в моём присутствии.

Втроём вышли из дома. Лика отправилась в машину. Мы принялись за свежевание. Вскоре я жарил на костре молодую козлятину. Сяо вымылся в ледяном ручье, и подошёл раскрасневшийся и счастливый. Из своего аппарата появилась небесная гостя, поманила парня пальцем и они скрылись внутри машины. Вскоре вышли: в его руках была немалая сумка. Сяо пошёл в дом, а мне Лика сказала, что дядя передал ему их облачение. Вскоре из дома вышел парень, которого трудно было узнать. Насколько одежда меняет человека! Он сразу стал не нашим, не земным. Картинная униформа подчёркивала его привлекательность. Барышня это осознала. Она зарделась и опустила глаза, а он не сводил с неё взгляда. Сяо ей нравился. Она часто смотрела на него и вздыхала.

Я дожарил козлятину. Мы пригласили учительницу отведать её. Она под села к нам, но не решалась положить в рот незнакомую пищу и всё глядела на парня. А он уплетал мясо за обе щеки. Возможно, ради приличия, она проглотила кусочек и отвернулась от еды, сказав, что не голодна. А мой сын опорожнил всю сковородку и, бросая на девушку тайные взгляды, принялся за чай. Я ощутил себя лишним и, сказав, что мне нужно отдохнуть, ушёл в дом, оставив их вдвоём. Зачем мне было мешать им своим присутствием? У Сяо начиналась новая жизнь....

Архат замолчал. В комнате стало совсем темно, но мы, замороженные удивительным повествованием, не замечали этого. Святой задремал: утомился от рассказа. Если бы я, когда-либо узнал эту историю от другого человека, ни за что бы, ни поверил. Но здесь было иное: фантастика, но реальная, исходившая из уст участника событий. Свидетельством этому в жилище, без всякого подвода извне, едва ли не полвека было светло. Зарытый прямо в доме кабель, шёл неизвестно куда: определить это не представлялось возможным.

Мы щёлкнули выключателем и начали готовить ужин. Апостол проснулся, вышел на улицу. По возвращении, пригласили его к нашему импровизированному столу. Ел он мало, говоря, что в его годах, и есть-то, не хочется, и всё больше тянул чай. После ужина, мы при-

строились рядом с его ложем и приготовились слушать. За окном бесновался ветер, на улице было всё так же неуютно: сыро, знобко и темно.

Старый Лао прокашлялся и прервал молчание: – Раскрывайте уши, чтобы ни одно моё слово не прошло мимо: трудно долго рассказывать.

...Итак, у Сяо начиналась новая жизнь. Когда я, отдохнув, вышел из дома, он и его учительница сидели за лёгким высоким столиком. Она говорила и на нашем языке, и на своём, а ученик писал. Увидев меня, Сяо воскликнул: – Папа, я запомнил уже весь наш алфавит!

– Молодец! Ты способный! – похвалил я его, а у самого, при слове "наш", сжалось сердце. У сына было счастливое лицо. "Педагог" строго поглядывала на него, но в глазах её было другое. Случалось, она через коробочку беседовала с отцом. Тогда же и Сяо говорил с дядей: докладывал ему о своих успехах.

Лица пробыла у нас три дня и улетела под вечер. Я удивлялся: как могли доверить ей сложную машину? В то время я ещё многое не знал. А оказывается там: в космосе, нужно ещё найти свой корабль, опуститься на него и совершить ещё что-то, прежде чем окажешься внутри. Вот какая умелая была девушка! Всё это уже после, мне поведал Сяо, когда побывал у них на орбите. Следующие два дня, ученик заучивал слова, которых он много записал. Так началась учёба своему, родному диалекту.

Инопланетянка появлялась, по несколько дней жила у нас и, дав Сяо большие поручения, улетала. Он удивительно легко запоминал и в четвёртый её прилёт, изъяснялся с ней уже на их языке. Конечно, не всё он говорил правильно. Иногда учительница смеялась над его произношением, но я видел, что процесс обучения шёл без труда и быстро. Спустя время, они стали делать большие перерывы в занятиях и ходить на отдых в лес. Во взорах, которыми обменивались, появилась нежность. Я радовался, глядя на них. Что лучшего мог пожелать я своему мальчику?

Появление Лици Сяо ждал с великим нетерпением. А она нарочно мочала о том, когда объявится. Днём он, вздыхая, каждые пять минут глядел в небо, ожидая появления серебряной точки. А то ещё, зная, что она следит за ним с орбиты, выходил из дома и, подняв голову, размахивал руками, делая призывные движения. Девушка опускалась неведомо откуда. Весело и радостно повествовала о том, как следила за ним. А один раз проговорила о том, что отец и дядя, иногда, вместе с ней, поглядывают "вниз" и шутят над его нетерпением. Сяо смутился, но Лица сказала, что они воспринимают всё это по-родственному. Тут нет плохого. Ей не хотелось, чтобы он перестал смотреть вверх, потому как сама, часто, подходит к приборам, в надежде увидеть обращённый к ней взор.

Однажды её не было целый месяц, и мой Сяо чуть не сошёл с ума, полагая, что они улетели на свою планету, не предупредив его. По ночам стал разговаривать, вскакивал во сне, спешил куда-то и возвращался в унылом состоянии. Я забеспокоился о его здоровье. Он мало кушал, похудел, удивительные синие глаза стали серыми. Сяо редко ходил на охоту, почти не ел добываемую козлятину. Теперь подолгу сидел или лежал, уставившись в одну точку. Я пытался разговорить его, убеждал в том, что Лица никуда не денется, потому, что любит его. После этих доводов Сяо веселел. Я в это время ставил еду, и он утолял голод, с надеждой, поглядывая на меня.

Его учительница прилетела, как всегда, неожиданно и тихо. Мы были в жилище, и вдруг в нём слегка потемнело: аппарат неизменно опускался вблизи него. Взглянув на окно, Сяо, словно ужаленный, выскочил наружу. Спустя минуту вышел и я. При виде открывшейся картины, на глазах у меня навернулись слёзы. Влюблённый держал на руках свою пассию. Она, обняв, приникла к парню и оба, целуясь, едва не рыдали. "Жемчужины" орошали их влажные щёки. Порой, они смотрели в глаза, и, шепча что-то, вновь льнули друг к другу. Это были два цветка несравненного лотоса, сумевшие соединиться. Здесь имелось всё: нежность, обожание и безграничная любовь.

Они забыли о мире. В этот момент их стало только двое на Земле, всё прочее прекратило для них существовать. Успокаиваясь, он кружил её на руках, целовал, и в её глазах, сдавалось, собрался весь синий цвет неба. Она, не отрываясь, смотрела на Сяо: лицо её сияло. Нежные чувства, почти осязаемо, исходили от неё к нему. Это было счастьем и для отца! "О, Будда! Ты услышал моё обращение к тебе, – боготворил я, – о, Просветлённый! Ты предоставил возможность видеть мальчика счастливым. Ты устроил его жизнь. Теперь появилась и дочь".

Я не мог отвести от голубков взгляд, и они заметили меня. Сяо подошёл с Ликой на руках, и воскликнул: – Папа, мы любим друг друга! Ты видишь, моё счастье вернулось! Благослови нас!

Он поставил её на ноги. Держась за руки, они опустились передо мной на колени. Сяо поклонился мне, коснувшись руками земли, и потупил взор. Лика не знала, что требуется от неё, но, увидев привет своего обожаемого, сделала то же. Прочитав молитву, я погладил их по головам. У меня навернулись слёзы, и я ушёл в дом. Зачем препятствовать их блаженству? В их счастье теперь и мои существование, и радость.

Позже Лика объяснила причину долгого отсутствия. Дело было в том, что летательный аппарат, на каком она прилетала, был задействован в морской экспедиции из трёх "человек". Они опускались на нём в океан для обследования неких месторождений чего-то ценного. Учёные находились там две недели, а по возвращении привезли материал для изучения. Лика была занята, так как трудится в химической лаборатории младшим научным сотрудником. И ещё она говорила, что эти залежи в будущем пригодятся людям.

...Лика с Сяо не покидали друг друга. Вместе они и ушли в горы. Разумеется, вовсе не это занятие нужно было им сейчас. Они хотели остаться одни, смотреть друг на друга. После их ухода во мне зашевелилось предчувствие неизбежного, недоброго для меня. Помолившись Всевышнему, я стал раздумывать. Ведь теперь очевидно: жизнь мальчика должна круто поменяться, а вместе с ней и моя.

Глава 5

Я не сомневался, что скоро останусь один, так как Сяо улетит с инопланетянами. Где-то там, в глубинах космоса, его дом, родственники и другое, совершенное бытие. Разве можно сравнить её с нашим убогим существованием? Конечно, я никогда не стану перечить тому, чтобы Сяо отбыл на родину. Кто я ему на деле? Да и мои годы приближались к закату. Мне в ту пору шёл уже семьдесят шестой год. Надо было успокоиться тем, что память об этом эпизоде всё же останется, хотя и на чужой планете, далеко отсюда.

Отчего я и не удивился, когда на другой день, вернувшись без добычи, Сяо заявил, что дядя приглашает нас посетить их корабль, летающий вокруг Земли. А доставит нас туда Лика, на своём маленьком челноке. Я отказался, сославшись на свой возраст. Любовники принялись увещевать меня. Девушка говорила: – Это совершенно безопасно и вы ничего не почувствуете. Зато увидите необычные картины и всю Землю сверху. Узнаете, какая она красивая и большая.

Я отказался: – Мне нельзя лететь. Вдруг в это время появятся люди. Увидев моё отсутствие, что они подумают? Свяжут с моей смертью, об этом узнают все. Тогда никто больше не придёт сюда. Отправляйтесь одни, а когда вернёшься, Сяо, обо всём поведаешь. Я постараюсь представить, увидеть всё с твоих слов. Не оскорбляйтесь и летите сами.

– Хорошо, – сказал мой мальчик, – я тебе обо всём расскажу.

Он помылся, сменил одежду. Простившись со мной, дети подошли к машине и, помахав руками, исчезли в ней. Минуты через три аппарат загудел пчелой, взлетел и стал точкой в небе.

А вскоре появился и караван. Устроив животных в кораль, люди вошли в дом и принялись готовить обед. Я был рад, что ребята вовремя улетели, и их никто не заметил. Но за Сяо всё-таки спросили, почему его не видно? Я сказал, что он ушёл в горы. Разговор перешёл на него.

– Как мог вырасти подобный большущий человек! – старший обоза поднял палец, – и что за национальность у родителей? Я ни разу не слышал о таких больших людях! А, может, это у него от какой-то болезни? – сам себе задал он вопрос.

– Не знаю, – ответил я, – об этом в приюте не сказали. Да и не всё ли равно? Теперь он мой сын, любит меня, и я его обожаю, – перевёл разговор на другую тему.

... Три недели не было мальчика. Всё это время, я остро ощущал отсутствие и частенько поглядывал в небо. Обращаясь к Будде, просил поддержать и укрепить в мысли, что всё идёт, как и должно быть, и происходит по его желанию. Молил не оставить одного, не оттолкнуть от себя и помочь мне утешиться тем, что всё свершается ради счастья моего инопланетянина. "О, Всевышний! Помогите мне в это трудное время!" – взывал я и шёл на улицу. После бдений становилось легче.

Долго не было Сяо, но я не думал, что он оставил "отца" и улетел. В один из дней, когда я прилёг и задремал, снаружи послышались голоса. Я встал и только шагнул к двери, как она распахнулась – возникла моя дивная пара. Лика, став на колени, прижалась ко мне, а Сяо заключил в объятия нас обоих. Какими словами можно передать чувства и волнение, зарождающиеся в подобных случаях? Слёзы застлали мне глаза, я ничего не видел. Для "людей", совершенно отличных от землян, живших так далеко, что даже цифры, выражающие расстояние до их дома, невозможно сказать, я что-то значил, и они меня любили! Мой мальчик весь сиял и как он был хорош сейчас! Девушка, не отрываясь, смотрела на этого земного дикаря и от переполнявших чувств, глаза у неё светились, как синие самоцветы.

Приглядевшись к Сяо, я заметил, что в нём произошли изменения. Он стал, как бы уверенней в себе и повзрослевший.

– Отец, – сказал он, – мы привезли тебе необыкновенный подарок. Там, – произнёс он, – на "нашей" планете Оке, её жители живут по четыреста лет. Чтобы продлить бытие употреб-

ляют чудодейственный эликсир. Дядя Нор сказал, что для человека такой возраст недостижим, но с помощью бальзама лет на восемьдесят-девяносто увеличить его можно.

С этими словами, он внёс в дом большой запечатанный сосуд и поставил его в углу. При нём была и маленькая мерная ёмкость.

– Каждые три месяца, ты должен пить по этому стаканчику, ни больше, ни меньше, – сказал Сяо, – тогда ты будешь долго радоваться, глядя на нас. Я уже выпил там, на орбите.

Ли́ка наполнила склянку и поднесла её мне. Я проглотил ароматную жидкость. Через две-три минуты почувствовал разливающееся тепло.

Затем Сяо начал рассказывать о том, где он был и что узнал: – Отец, жаль, ты не был с нами. То, что я испытал, словами передать невозможно. Только видеть. То судно, с которого они прилетели, летает очень высоко в небе. Оно кружится вокруг Земли и с него всё видать. Планета наша разноцветная и весьма большая. На суше лесные чащобы и горы, немало льда. Но воды – безграничные пространства! Материки занимают намного меньшую площадь, чем моря и океаны. Это невозможно описать.

А корабль, словно большой дворец. В нём всё есть. Ряды различных помещений, где живут, работают и спят. Он может летать, как молния! В нём тепло, несмотря на то, что за окнами сильнейший мороз. Отец, я был в месте, где управляют звездолётом – так он называется. В большом отделении много всего! Есть умные машины, которые заменяют человека и считают быстрее нас. Они помогают управлять летательным аппаратом. . . .

О многом поведал мой мальчик, но я это давно забыл. Слишком необычные названия упоминались в его рассказе.

В конце дня, когда мы сели ужинать, Ли́ка объявила: – Через два месяца заканчивается срок нашего дежурства в пределах Земли, и мы отбудем домой, на Оку. Нас заменят другие. . . .

Я посмотрел на Сяо. Он был взволнованный и подбравшийся: ждал, что скажу в ответ. Конечно, рано или поздно это должно было случиться, но я не ожидал, что будет так скоро.

– . . . Дядя Нор сказал, – продолжала Ли́ка, – что если вы отпустите Сяо, то мы заберём его с собой. Он выучится на астронавта, как и родители. Тогда, при нахождении вблизи вашей солнечной системы, сын будет иметь возможность навещать вас.

Что мне оставалось? Мог ли я запретить ему оставлять меня? Как бы он жил после моей смерти, здесь, на этой грешной земле?

– Конечно, – сказал я, – Сяо должен попасть на свою родину, разве я могу наложить запрет на это? Отправляйтесь все, а я стану ждать вас с внуками.

При этих словах, моя будущая невестка, в чём не было сомнения, залилась краской. Её глаза засветились синими огоньками, и она с обожанием посмотрела на мальчика. Услышав ответ, Сяо вскочил и закружил меня по комнате. Он был полон счастья и благодарности.

В последующие два месяца мы с сыном были всюду вместе. Девушка прилетала, оставалась у нас, затем уносилась в небо. Всё так же, обожая друг друга, они не разлучались ни на минуту и чирикали, как две райские птички. От любви она расцвела и стала, словно распутившийся лотос. Упоение и счастье переполняли её. Сяо "разрывался" пополам: он также восторгался своей удачей, ни на шаг не отпускал от себя Ли́ку и в то же время старался быть рядом со мной, предугадывая мои желания. Я видел, что он любит меня. Ему тяжело будет расставаться.

В последнее появление, моя "сноха" сказала, что наступило время улетать. Через два дня их корабль приземлится на равнине. Всем хочется проститься со мной.

Так и случилось. По истечении пары суток, в десять часов, огромный дискообразный аппарат беззвучно опустился недалеко от дома. Из машины вышли двенадцать рослых мужчин, четыре женщины и зашагали к нам. Поочерёдно поприветствовав нас, справились о здоровье. Дядя Сяо спросил у племянника – готов ли он?

Затем Нор обратился ко мне: – Отец! Я и все мы, безмерно благодарны тебе за то, что сохранил нашего мальчика. И не только выходил, но и воспитал, сформировал в нём качества

настоящего жителя нашей Оки. Этот редкий эпизод будет запечатлён в истории исследования космоса, как случай проявления гуманизма, любви и человечности жителя Земли к маленькому созданию – представителю нашей цивилизации. Между разумными обществами должен быть только мир, чего к великому нашему сожалению, у вас ещё нет...

Капитан что-то сказал. Один из участников экипажа направился к большой машине, другой вошёл в челнок Лики. Он медленно подлетел к ней и исчез внутри. Настала минута расставания. Все пожали мои руки и направились к судну. Сяо с Ликой, став на колени и проливая слёзы, прижались ко мне. Пытаясь успокоить их, не выдержав, всхлипнул и я. Мальчик клялся, что прилетит, как только появится возможность. Рыдания душили его, он не мог говорить. Я гладил их головы, стараясь навсегда запомнить необыкновенную картину прощания.

Со звездолёта послышался резкий звук. Поцеловав меня в последний раз, дети побежали к кораблю. В дверном проёме они обернулись, вытянули руки, как бы стремясь ко мне, и скрылись внутри. Ступени – люк, медленно поднялся с земли и встал на своё место. Вновь раздался громкий сигнал, теперь уже прощальный. Космический аппарат оторвался от земли, поднялся вверх и быстро исчез в небе. Это было настоящее чудо.

После их отлёта, я месяца полтора не находил себе места, ища забвения в молитвах. В то же время знал, что не скоро встречу моего инопланетянина, так как ему предстояла длинная учёба. Он же дикарь по сравнению с ними, ведущими совсем иную жизнь. Да и дождусь ли его? В то же время я ощущал прилив сил и необыкновенную бодрость. Чудодейственный эликсир, видимо, творил своё дело. В дальнейшем, употребляя его в указанные сроки, я чувствовал себя всё лучше. Появилась надежда увидеть моего Сяо. Я начал привыкать к одиночеству.

Приходившие ко мне люди спрашивали о сыне. Я отвечал, что отправил его учиться и он сейчас далеко отсюда. Бессмысленно было бы рассказывать кому-то о предшествующих событиях, меня сочли бы за сумасшедшего. Оставшись один, совершал паломничества по монастырям, но всегда возвращался домой, ожидая появления Сяо. В визитах в святые места, братья по религии, глядя на внешность, удивлялись и восхищались моим видом. Говорили, что, вероятно, образ жизни, мысли, угодны Будде, потому он и даёт мне такое здоровье.

Глава 6

...Прошло двадцать четыре года. Мне было больше ста лет, но чувствовал я себя прекрасно. В один из дней, в начале осени, что-то затемнило окно. Выглянув, я увидел матовую поверхность летающей машины. У меня задрожали ноги от такой неожиданности: – О, Будда! Неужели...?

Я стоял, не имея сил сдвинуться с места. Дверь широко распахнулась и мой Сяо, с улыбкой на лице, крикнул: – Есть кто дома?

Увидев отца, он упал на колени, объял и, как в детстве, заплакал. Он и сейчас был всё таким же, добрым и чувствительным парнем. Немного успокоившись, я справился: – Ты один?

Он, молча, потянул меня за руку из дома. Мы подошли к небольшому кораблю, к такому же, на котором раньше прилетала Лика. Дверь медленно открылась и..., о, мой Будда! Там стояла она и два маленьких создания.

– Здрастуй дедуска! – хором воскликнули они, да ещё и на нашем языке.

Моё горло перехватил спазм, и я ничего не мог выговорить в ответ. Невестка, выйдя из машины, со слезами опустила передо мной и обняла меня. Не в силах сдержать эмоции, всхлипнул Сяо. Глядя на них и не понимая происходящего, захныкали внуки. То, что я испытывал в этот момент, не передать никакими словами. От плача детей мы пришли в себя и взялись успокаивать их. Невелички оказались мальчиком и девочкой, и были абсолютными копиями своих родителей. По-нашему, конечно, не говорили, а слова: "Здравствуй дедушка!" – заучили, чтобы приветствовать не родного предка.

Я повёл гостей в дом. Сяо занёс несколько больших сумок с продуктами, и мы организовали обед. В доме было козье мясо: перед прилётом охотились караванщики. Мой сын не забыл действий с ним: сам нажарил его и поедал с отменным аппетитом. Внуки с интересом заглядывали ему в рот, что-то говорили друг другу и звонко смеялись. Он не прочь был дать им по маленькому кусочку, но невестка не разрешила, сославшись на то, что от непривычной еды у них может возникнуть расстройство пищеварения. Она с ними кушала продукты, привезённые с собой. За чаем Сяо повествовал о своей жизни, перекладывая истории на земное время. Лика, с помощью говорящего по-нашему аппарата, перебивала мужа. Она рассказывала смешные истории, связанные с тем или иным эпизодом его новой жизни.

...По прилёте на Оку, на космодроме мальчика ждали сестра, семья Нора и друзья родителей Сяо. Свидание было незабываемым. Считали, что с гибелью корабля пропали все члены экипажа. А оказалось, что он, как-то остался жив, да ещё и на чужом космическом теле. Эту новость узнала вся Ока. На него смотрели, словно на диво. Сестра Сяо, за год до прилёта брата, вышла замуж. Все звали его к себе жить, но он остался у дяди.

Больше десяти лет обучался в Академии астронавтики. Заканчивая учёбу, женился на Лике. Сейчас у них двое ребят. Сын носит имя дедушки – Лао. Ему тринадцать лет. Дочь названа в честь красивого цветка на Земле, о котором всегда говорил отец. Её зовут Лотос. Ей уже десять лет. Они изучают школьную программу, осваивают первичные знания.

На моих глазах появились слёзы. Выходит, я не забыт и меня будут помнить потомки Сяо.

– ...Отец, когда-то, я говорил тебе о том, что мне легко даётся учение. Оказывается в нашем обществе, знания от родителей детям передаются с генами, но в юном возрасте они скрыты. В школе, в процессе учёбы, их переводят в сознание и они уже навсегда остаются в нём. Поэтому у нас нет потребности, заучивать что-то. В учебных заведениях о них просто напоминают. Вот почему грамотность всем даётся легко.

После академии он летает на космическом судне. Теперь младший помощник командира большого корабля. Запланированным полётом они оказались в нашей Солнечной системе, в районе безжизненного Юпитера. Так её называют у вас. Командир согласился проследовать

вблизи Земли: преодолеть несколько десятков миллионов километров для них сушая ерунда. Сейчас звездолёт стал на орбиту спутника Земли – Луны, а они всем "домом" отправились ко мне. На кораблях, где муж и жена летают вместе, они берут детей с собой. Лика на должности химика-лаборанта.

Они были у меня трое суток, и я услышал много поразительных вещей, по большей части недоступных моему пониманию. Но одно я понял точно: в космосе много миров. Есть жители планет похожие на нас, о других так и близко не скажешь. Много здравомыслящих созданий, но есть и несмышлёные.

Очень порадовали дети. Они по-прежнему обожали друг друга и были такими же молодыми, хотя прошло уже больше двадцати лет.

За время пребывания привыкли ко мне и внуки. Мы говорили через приборы. Первый вопрос, который они задали самостоятельно, был таков: – Дедушка, а отчего ты совсем маленький?

У "потомков" было множество вопросов, и я с великим удовольствием давал на них ответы. Рассказал им историю появления здесь их отца и сводил к капсуле, находящейся в кустарнике и уже едва видной из травы.

Трое суток мелькнули, словно один день. Настало время расставания. Сяо с Ликой пролили слёзы, внуки обнялись со мной. Я благословил их на дальнюю дорогу, и они улетели так же тихо, как и появились. Меня поражала беззвучная работа их летательных аппаратов. Лишь иногда, на взлёте, был слышен звук, походящий на гудение пчелы.

В этот приезд мой мальчик заметно не повзрослел. Сноха, с замужеством, расцвела ещё больше, её красота, словно магнит, притягивала взгляд. Когда я сказал об этом Сяо, он засмеялся: – У нас все женщины такие.

Через двадцать лет, они прибыли одни. Объяснили, что внук Лао, закончил Академию астронавтики и улетел к очень далёкой звезде. Лотос ещё учится, но по-другому профилю. Они так же гостили у меня трое суток. Всё время находились рядом и тешили себя тем, что их бальзам заметно воздействует на моё здоровье. В свои сто двадцать пять лет, я чувствовал себя прекрасно. В этот раз Сяо оставил мне говорящую коробочку.

В последующие годы сын появлялся ещё несколько раз: и один, и с Ликой. Внуков я уже больше не видел. Лао служил на другом корабле, а Лотос после учёбы находилась на Оке. Она занимается наукой, название которой я уже не помню. В третий визит Сяо забрал летающий объект, что находился в кустарнике. Он сказал: об истории выживания и воспитания его инопланетным жителем, то есть мною, в их мире где-то записано. А аппарат, который так долго находился на Земле, будет представлен, как вещественное доказательство.

В это время, мой мальчик был уже старшим помощником командира звездолёта. О последующих посещениях я узнавал из этой коробочки. И несколько раз слышал голос Сяо из неё, когда он пролетал мимо, но не имел возможности повидаться со мной. В такое время, он извинялся за то, что не в состоянии встретиться. А мог бы промчаться, не напоминая о себе. Но он не таков: прямой и честный, и за всю нашу совместную жизнь никогда и ничего от меня не скрывал.

В четвёртый прилёт с Ликой, у меня в гостях находился мужчина, живущий у реки, который рассказал вам эту историю. Дело было так. Когда я находился в жилище, то всегда включал говорящую коробочку. В тот день, помолившись, мы сели обедать и вдруг прозвучал голос Сяо: – Отец, ты ждёшь нас? Завтра, мы с Ликой будем у тебя. Сейчас мы подлетаем к Земле и находимся в нескольких миллионах километров от неё.

Я так обрадовался приятному известию, но когда взглянул на гостя, мне стало не до отрады. Цзяо, белый, словно бумага, озирался по углам. Кроме нас никого не было и внезапно раздавшийся говор Сяо, очень устранил его. Он упал на колени и обратился к Будде, прося избавить от наваждения. Успокаивая его, пришлось рассказать историю появления большого

ребёнка. Он не хотел верить в это, но вспомнил, что слышал от кого-то о необычном мальчике. Чтобы убедить его в этом, я предложил ему посмотреть завтра на оставшееся место от "колыбели".

А когда прилетели Сяо с Ликой, мой гость оцепенел, увидев таких высоких людей. Но глядя, как удивительные незнакомцы обнимают меня и радуются нашей встрече, растрогался сам. Спустя некоторое время, он в великом изумлении ушёл вниз, домой. В этот раз Сяо подвёл к дому электричество. Он привёз сюда маленькую машину, закрыл в неё длинный смотанный кабель. Она поднимала землю, и провод уходил в неё. Уезжал он далеко. Закончив, специалист подключил к нему светильник. В доме стало особенно ясно.

– Теперь, отец, у тебя в доме всегда будет "солнце", – сказал он, – недалеко имеется много энергии. И как это мне раньше не пришло в голову?

Семь лет назад Сяо появился один. Я уже стал дряхлым и он это заметил: был грустный, жалел старика, не давал и пальцем шевельнуть. Всё делал сам. Стал взрослым мужчиной. Разлучались мы очень уныло. Наверное, понял, что больше уже не увидимся. Его слёзы перешли в глухие стоны, рыдания просто сотрясали всего. Я, как мог, успокаивал, говорил, что поживу ещё, но он всё разумел и долго не мог отвлечься от меня. Так, со слезами на глазах и улетел. Потом, уже из корабля, снова попрощался со мной и сказал, что отбывает очень далеко, в какую-то другую систему и это опасное задание. И больше я его не видел, и не слышал. Невозможно даже предположить, что сейчас с моим сыном? К тому же он говорил ещё и об угрозе. Больше мне с детьми не встретиться! – я чувствую близкий конец. Будда зовёт к себе....

Архат всхлипнул и замолчал. Странно, но во время изложения истории, в глазах проплывали удивительные картины происходивших событий. Монах не только повествовал, но и показал пережитое им самим. Несомненно, он имел дар внушения. Потом и другие участники экспедиции признались мне, что тоже видели его жизнь в картинах. Взглянув друг на друга, мы заметили у себя покрасневшие глаза. Старец являлся удивительным рассказчиком. Время было уже под утро, мы прослушали всю ночь.

Святой заснул. Разошлись и мы по своим местам. Но погрузиться в сон после такой дивной истории, никто не мог. Разум протестовал, отказывался принимать услышанное. Но перед взором опять возникали картины, и хриплый голос старого Лао. А иногда было такое ощущение, что весь пассаж я видел своими глазами.

Проснувшись после краткого утреннего забытья, я уже думал, что всё это приснилось во сне. Мои спутники так же покачивали головами, словно удивляясь чему-то. Монах был превосходным ритором. Если бы не моя запись истории, то спустя какое-то время всё это казалось бы сонным бредом, абсурдом. Я берёг дневник, доказательство происшедшего. Мы прожили у Лао ещё два дня. Установилась хорошая погода. К вечеру пришёл караван. Мы переговорили с людьми, описали плохое состояние старца и порекомендовали организовать у него дежурство.

С рассветом третьего дня, сердечно попрощавшись со святым и поблагодарив за оказанный приём, экспедиция направилась назад, вниз. В селении у Брахмапутры нас поджидал очевидец легенды.

– Ну что, поведал вам старый Лао о своём небесном приёмыше? Мне он сказал, чтобы я никому не говорил, а то могут счесть за сумасшедшего. Я и сам понимал всё, а потому молчал.

– Изложил, – ответил я, – но если бы мы узнали эту историю от других, то не приняли бы за истину. А он не только рассказал нам, но и представил в картинах.

– То-то! – усмехнулся Цзяо, – я живой тому свидетель.

Мы переправились через реку, добрались до Лхасы. Там распрощались с Лунем, щедро оплатив его услуги. Он заработал свою награду, без него мы бы ничего не сделали. Спустя месяц уже были у себя, в старой доброй Англии. Долго я не смел, опубликовать воспоминания об этом редчайшем событии. Но на склоне своих лет решил, что нельзя держать такие перипетии у себя. А прочитавший, пусть понимает описанное, как хочет.

Вторжение

Глава 1

2030 год. Обстановка в мире складывается не лучшим образом. Агрессивный военно-политический альянс западноевропейских держав, во главе с США, продолжает двигаться на восток, принимая к себе новые государства. С развалом СССР перестало существовать и противоборствующее НАТО содружество стран – участниц Варшавского Договора. Эти, застойные теперь "каганаты", с уродливыми формами экономики, позволявшими власть держащим воровать в баснословных масштабах, принялись вступать в западноевропейский блок.

Коалиция, состоящая из высокоразвитых, как в промышленном, так и в культурном отношении, держав, сначала неохотно принимала к себе бывших вассалов Советского Союза. Но вскоре пришло озарение, что в случае их членства в альянсе, он будет ближе придвигаться к границам "Раши", которая с небольшим числом ещё менее сформированных стейтов, осталась его противником.

В связи с этим, марионеточным образованиям стали делать заманчивые предложения о дружбе и взаимопомощи, а отдельным, даже обещалась финансовая поддержка. И бывшие наши "друзья", которые всегда были сомнительными "приятелями", сменив идеологическую пластинку, стали быстро отдаляться от нас. А после вступления в блок с ними уже не церемонились, потому, как эти шавки не имели там значимых функций. НАТО нужны были их территории, для легитимного приближения к рубежам России, а сами государства, как рынки сбыта для своих производственных товаров.

После развала СССР, Россия объявила себя демократической державой с непонятной формацией, являющейся чем-то между неразвитым социалистическим строем и капитализмом. В экс-империи наступил длительный хаос. Недальновидность и разнузданная коррупция чиновников от власти, тормозили и делали бесперспективными новые начинания. Так было всегда: любые реформы, что проводились в нашем прошлом, становились "долгостроем".

Но страна, руководимая талантливым президентом, преодолевая политические и экономические "подножки" корруппантов и западного альянса, постепенно становилась сильным и авторитетным игроком на политической арене. И как "русский медведь" не тужился, США, не доверяя пьяному и алчущему мужику-славянину, а также в угоду своим амбициям, всё-таки построили и пустили в действие противоракетную систему СОИ. Русский рейх, хотя и медленно, но все же модернизировал старые оборонные комплексы и выпускал новые. Менялись баллистические средства доставки боеголовок, основные ударные силы и т.д. Рабочий дядька "стонал", но терпел.

Во всём мире, на полигонах и океанах, демонстрировались "мускулы" государств: проводились военные учения, с обязательным привлечением иностранных наблюдателей. Настоящее делалось для того, чтобы, как можно в более широком масштабе, распространялась информация о наступательных и оборонительных возможностях войск союза или страны.

В текущем году НАТО запланировал крупнейшие, за всю хроника своего бытия, манёвры, с привлечением вооружённых сил всех участников блока. На деле подобное означало, что Россия окажется в кольце армейских сил, приведённых в боевую готовность, как на суше, так и на море. Естественно, она не осталась в долгу и в свою очередь также объявила о масштабных учениях, которые будут проводиться у собственных рубежей. Цель их: показать, что красно-синяя мощь, всегда на своём посту и может сокрушить любого агрессора.

...В одном из самых восточных наших районов, за тысячи километров от столицы, воды Тихого океана морщил большой сторожевой корабль, принадлежавший российскому военному

флоту. Штормило. Облачность была довольно низкой. Вокруг, в пределах видимости, никого не было. Но судно упрямо двигалось параллельным морской границе курсом. На нём вращалась антенна радиолокатора.

Рядом с ней, но выше, в строжайшей секретности, на днях был установлен большой шарообразный предмет. Внутри него что-то скрывалось. Естественно, никто не должен был знать об этом. Но, конечно, для моряков это был секрет полишинеля. Бронированный кабель соединял его с одним из помещений. Иногда, штатная решётка радара останавливалась. Вслед за этим раздавался низкий вибрирующий звук, услышав который, все члены команды, находящиеся на палубе, спешно покидали её.

До этого в радиолокационной рубке светились зеленоватым цветом круглые мониторы. За ними сидело трое моряков. Сейчас они были выключены. Но у отдельно расположенного большого дисплея, сидели капитан корабля и двое штатских лиц. Они всматривались в светящийся экран. На нём видна была только координатная сетка. Перед ними лежала шифрограмма, содержащая задание. В ней сообщалось о том, что два американских самолёта – "невидимки", типа "Стеллс", но модернизированные по последнему слову техники, выполняют фотографирование тихоокеанских границ США и наших территориальных вод. Командиру и гражданским специалистам предписывалось обнаружить цели радаром новой секретной конструкции и зафиксировать результаты проведённого эксперимента. Сейчас летательные аппараты находились вне зоны досягаемости, примерно в тысяче километров от корабля и держали курс в его сторону.

Но вот экран замерцал, и показались два смутных треугольных контура. Внизу картинки возникли данные о скорости и высоте полёта, его направлении и их удалении от судна. Как только пошла информация, тут же включилась записывающая аппаратура. Локатор обнаружил самолёты на расстоянии в девятьсот километров и с каждой секундой их очертания становились всё отчётливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.